

Война против Ирана: переломный момент для Тегерана и международного порядка

Как эта война меняет облик Исламской Республики, обнажает двойные стандарты международного порядка и обостряет цивилизационные конфликты?

Патрик Ринггенберг

пнд 30 мар 2026

Введение — текущая ситуация и динамика военных действий

Несмотря на то что война продолжается, в последние несколько недель постепенно стали проступать элементы стратегии Ирана, которая находится где-то на стыке тотальной войны, активной обороны и поэтапного реагирования. Контролируя

собственную территорию и график действий, иранцы переплетают военные, экономические и политические цели, применяя поэтапную стратегию и многогранную реакцию: нанесение сдерживающего ущерба Израилю и присутствию США на Ближнем Востоке; создание цепочки экономического давления по принципу «матрешки» с эффектом домино, чтобы повлиять на Соединенные Штаты, в значительной степени подчиненную США Европу, нефтяные монархии Персидского залива и, в конечном итоге, всю планету, с целью спровоцировать слияние давления на поджигателей Ближнего Востока; истощить или даже расколоть израильское общество и, возможно, настроить его против политики своего правительства; спровоцировать политический кризис в США, который неизбежно возникнет, когда, помимо растущих цен на топливо, истинная цена войны — от масштабов разрушений до реального числа погибших и раненых — выйдет из-под крышки военной пропаганды и информационной блокады. На нескольких фронтах, с разными временными рамками — экономическое удушение стран Персидского залива, все более невыносимая уязвимость Израиля, американские жертвы или ухудшение состояния мировой экономики — Иран стремится создать переломные моменты, которые позволят ему закончить войну на своих условиях.

Для иранцев иранское сопротивление означает первую победу: региональная держава противостоит ведущей мировой державе, применяя все аспекты асимметричной войны, в полной мере используя свои геостратегические условия и глобальную взаимосвязанность торговли, а также умело манипулируя различными политическими, геополитическими, экономическими и психологическими факторами. Хотя Иран и терпит разрушения, и хотя его экономика неизбежно ослабнет, Иран уже знает, что его потенциал сдерживания эффективен и останется таковым: его центральное географическое положение и природные ресурсы останутся неизменными; актуальность его стратегии, а также его технологические возможности также сохранятся, и они будут развиваться и адаптироваться; и хотя Иран не разработал ядерное оружие, события почти неизбежно подталкивают его к рассмотрению вопроса о ядерной защите, либо путем самостоятельного производства такого оружия, либо путем его приобретения у другой страны, либо путем вхождения под ядерный зонтик союзного государства.

Способы и пути выхода из этой войны на данный момент остаются неопределенными, хотя в идеале Иран намерен продолжать свои действия до тех пор, пока его противники не продемонстрируют какую-либо форму отказа от своих претензий или капитуляции (пусть даже скрытой). У него уже есть средства для оказания давления в отношении своих требований об уступках: постоянная гарантия ненападения со стороны США и Израиля, хотя ответные меры Ирана сами по себе могут служить сдерживающим фактором против будущих атак; выплата

репараций за военный ущерб, хотя Иран сможет обеспечить себе то, в чем ему, без сомнения, будет отказано, за счет налогов на Ормузский пролив, экспорта нефти и газа, а также новых правил торговли со своими партнерами и соседями; отмена санкций, введенных Соединенными Штатами на протяжении десятилетий, хотя Иран, вероятно, не будет ждать (возможно, гипотетической и в любом случае сложной) отмены санкций, чтобы привести в порядок свою экономическую экосистему; право на обогащение урана в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия, при условии, что Иран по-прежнему считает себя обязанным соблюдать договор, который налагает ограничения, не предлагая выгод, и сотрудничать с организацией — МАГАТЭ — роль которой оказалась неоднозначной.

В нескольких отношениях Иран в любом случае окажется в выигрыше. Нанося удары по американским базам в Персидском заливе и Ираке, он стремится вытеснить американцев из региона: либо США примут решение о полном уходе, что позволит Ирану установить новый баланс сил с королевствами и государствами региона; либо США сохранят своё присутствие, которое, в какой бы форме оно ни существовало, неизбежно будет уязвимым и сделает уязвимой любую территорию, на которой оно будет размещено. На море, как и с берега, Ормузский пролив останется под военным контролем Ирана и, следовательно, останется стратегическим активом, экономическим рычагом и могилой для любых вооруженных сил, стремящихся прорвать блокаду, введенную Ираном. Что касается государств Персидского залива, которые обогатились и развились за последние десятилетия благодаря маргинализации Ирана, находящегося под экономическими санкциями, то они осознали свою структурную уязвимость: находясь так далеко от Соединенных Штатов и так близко к Ирану, они находятся во власти геостратегической парадигмы, в которой Израиль, страна, ориентированная на Запад, монополизирует все западные приоритеты.

Израиль и США полагали, что смогут свергнуть «исламистский режим»; но ответом на их действия стала иранская империя; в результате мы получим региональную державу исламо-националистического толка, с более или менее обновленными «революционными» основами и ещё более укрепившейся имперiallyно-религиозной осью. В ходе переговоров максималистские требования страны почти никогда не удовлетворяются, и Ирану, даже находящемуся в сильной позиции, несомненно, придется по многим вопросам примириться с реальностью. Выйти из конфликта с высоко поднятой головой — это одно, но управление послевоенным периодом зачастую оказывается гораздо более деликатным и сложным делом. Помимо национального единства, сосредоточенного на защите страны, политические разногласия, социальная напряженность и экономические проблемы очень быстро вернутся на передний план иранской сцены. В продолжение статьи

«Почему Иран уже выиграл войну», опубликованной 9 марта 2026 года, данная статья призвана осветить некоторые уроки этой войны: для Ирана, для глобальной геополитики и для палестинского вопроса.

Возрождение Исламской Республики Иран?

Разбор понятия «иранский режим»

Если целью было свержение «иранского режима» посредством «удара по верхушке», то операция провалилась уже в первый день. Основная причина этого — фундаментальное незнание политической структуры Ирана и, в более широком смысле, его общества и культуры, о чем уже свидетельствует неверное использование термина «иранский режим». Хотя это и выдает некоторое презрение (разве мы говорим о «французском режиме» или «американском режиме»?), оно подразумевает два предубеждения или две ошибки в суждении.

Во-первых, Исламская Республика, основанная в результате Исламской революции 1979 года, обладает весьма ограниченной легитимностью, поскольку воспринимается как искусственно навязанная новая система, которую, следовательно, можно легко подорвать или даже свергнуть. Исламская Республика действительно представляет собой новую структуру, отличающуюся гибридным характером, сочетающим в себе демократию, якобинскую республику и религиозное руководство. Однако по своей сути и принципам функционирования она уходит корнями в древний политический опыт, органические традиции и структуры. Ее парламентская система берет свое начало в Конституционной революции 1906 года, в ходе которой был создан парламент и разработана Конституция. В примере пророка Мухаммеда, который охотно консультировался со своей общиной по поводу определенных решений, можно даже увидеть исламские корни принципа консультации, делегированной народу. Присутствие религии в политической структуре восходит к XVI веку, когда Персидское царство стало шиитским, и монархия с тех пор была тесно связана с духовенством, которое на протяжении веков служило основой и руководством шиитской общины.

Новизна — и современность — Исламской Республики заключается в институционализации верховной и диалектической формы религиозного руководства в рамках республиканской системы, хотя само понятие «руководства» в шиитском понимании этого термина является древним и восходит, по сути, к самому возникновению шиитского раскола после смерти Пророка в 632 году. Если же заглянуть еще дальше в прошлое, то связь между властью и религией восходит к античности, когда цари из династий Ахеменидов и Сасанидов утверждали, что черпают свою силу и мудрость из зороастрийского бога Ахура Мазды. Что касается

административного аппарата, то достаточно вспомнить, что начиная с VI века до н. э. и даже после прихода ислама, на службе у аббасидских халифов или турецких правителей, иранцы привыкли управлять королевствами и империями. Иранская администрация, исторически возглавлявшаяся учеными с обширными знаниями, была не просто вопросом технократической компетентности, но и средством передачи иранской культуры, а значит, на протяжении веков являлась основой национальной идентичности. Иранская администрация была вестернизирована династией Пахлави (1925–1979), но ее корни уходят в многовековые традиции управления и протокола. Наконец, между монархией Пахлави и Исламской Республикой существует подлинная преемственность в плане развития промышленности и инфраструктуры, а также самого принципа административной модернизации.

Второе заблуждение заключается в том, что иранское правительство подобно острову, отрезанному от народа, и что оно вынуждено опираться на силу, чтобы компенсировать острую нехватку легитимности. То, что между народом и государством существует разрыв, — это общеизвестный факт, и, насколько мы можем судить, это давняя реальность. В XIX веке граф Гобино писал, что иранцы «будут с безразличием наблюдать, как самые разные правительства сменяют друг друга, не проявляя особой симпатии ни к одному из них» (*Trois ans en Asie*, 1859). Более того, это одна из причин, приводимых в объяснение повторяющегося авторитаризма правительств в Иране. В отсутствие общественного договора между правителями и подданными или фиксированной правовой базы, легитимирующей суверенитет, властям приходилось компенсировать слабую легитимность сильным, порой насильственным присутствием. Население, со своей стороны, организованное в семейные ячейки и параллельно структурированное по племенным, корпоративным или религиозным привязанностям, было готово терпеть и подчиняться, не опасаясь время от времени восставать против королевской политики, считавшейся несправедливой или нелегитимной. Это создает динамику расхождений между правительством, нацеленным на навязывание своей повестки дня, и населением, которое, не имея сильного чувства гражданского долга, отказывается сотрудничать; это, в свою очередь, приводит к росту политического авторитаризма и, как следствие, к усилению стратегий уклонения и гражданской пассивности со стороны населения. В современном Иране эти социально-политические проблемы наблюдаются в той или иной степени.

Однако монархия Пахлави, а впоследствии и Исламская Республика — как посредством активных мер, так и порой непреднамеренно — также сократили этот разрыв между правительством и населением. Появление среднего класса в результате индустриализации, урбанизации и вестернизации общества, а также

революционная политика, породившая новое поколение мужчин и женщин (так называемый «исламский феминизм»), вовлеченных в жизнь государства и страны, преобразовали социологию Ирана, экономику общества и отношения между личностью и политикой. По-прежнему существуют различия между различными ветвями власти (глубинное государство и республиканская жизнь), между элитами и населением, а также между авторитарным правлением и населением, которое его терпит или мирится с ним. Однако другие факторы помогают органично сплотить иранцев, начиная с национализма, который объединяет их во всех кризисах, угрожающих стране: так было во время ирано-иракской войны (1980–88 гг.), когда иранцы объединились для защиты своей страны, несмотря на политические и даже этнические разногласия; в значительной степени это имеет место и в нынешней войне. Для иранцев в Иране перемены — будь то политические или социальные — придут изнутри самой страны, от ее внутренних сил, а не из-за рубежа, и уж тем более не под давлением войны. Для них защита целостности нации от нынешней агрессии не означает согласия со всей политикой правительства: это просто вопрос обеспечения выживания родины, необходимое условие для внутренних перемен, которые могут осуществить только люди, живущие в Иране, обладающие для этого властью и легитимностью.

Иран последних тридцати лет и Иран будущего

Избрание реформистского президента Мохаммада Хатами в 1997 году, за которым последовало его переизбрание в 2001 году, стало отражением переходного периода в стране. Появление нового поколения, уроки и разочарования Исламской революции, приход интернета, растущее осознание на высших уровнях власти того, что национализм, в конечном счете, является главным общим знаменателем для иранцев, а также политика президента Рухани по китайскому образцу (открытие страны через экономику) сформировали Иран за последние тридцать лет. Смена доктрины произошла и в консервативных кругах, которые на протяжении двух десятилетий стремились морализировать общество и реисламизировать его — добровольно или силой. Столкнувшись с «утечкой мозгов», с бегством иранцев на пляжи и в ночные клубы Турции, а также с появлением молодежи, не знавшей ни эпохи Пахлави, ни революционных идеалов своих родителей, постепенно произошла смена доктрины. Вместо полностью репрессивного подхода сменявшие друг друга правительства решили развивать внутри страны то, что иранцы, как молодые, так и пожилые, стремились найти за рубежом. В 2000-е годы наблюдалось постепенное формирование общества, ориентированного на досуг, строительство торговых центров в американском стиле, распространение кофеен, активизация культурной жизни (концерты, театр, выставки, кинотеатры), которая

ранее была ограничена, запрещена или даже скрыта, а также большая терпимость в отношении алкоголя, частных вечеринок, стилей хиджаба и публичного проявления чувств незамужними парами.

Во многих отношениях в обществе произошла как определенная либерализация, так и формирование новой социально-политической парадигмы. Так, в начале 2000-х годов на свадебных торжествах мужчины и женщины должны были сидеть отдельно, и только с помощью коррупции удавалось организовать смешанные по половому признаку списки гостей в частных садах; сегодня некоторые официальные организации устраивают свадебные торжества, где мужчины и женщины смешиваются, в то время как другие по-прежнему соблюдают физическое разделение полов, отражая более традиционные социальные группы, которые, по сути, составляют большинство. В 2010-е годы появилось новое поколение предпринимателей, не всегда и не обязательно религиозных, но в основном националистически настроенных, которые являются частью нового рода договора с государством: верность принципу Исламской Республики в обмен на свободу развития своего бизнеса. Эти отношения выгодны для всех: государство извлекает выгоду из вклада созданных предприятий, процветает поколение промышленников, а национализм служит «естественным» связующим звеном, объединяющим индивидуумов (государственных, квазигосударственных или частных элит) с разнообразными и порой противоречивыми политическими или религиозными позициями. Наконец, в политическом плане Исламская Республика приняла дискурс, который носит скорее имперский, чем панисламский характер, и является скорее националистическим, чем религиозным, что еще раз демонстрирует внутреннюю сложность иранской системы, которая одновременно представляет собой национальное государство, имперскую республику, религиозную родину и страну религий.

Именно этот Иран — страна, переживающая период перемен — оказался под ударом. В свете политических и социологических изменений в Иране, за которыми автор следит с 2000 года, можно задаться вопросом о будущем пути этой страны. Ирано-иракская война может служить ориентиром. Она была инициирована актом агрессии со стороны Саддама Хусейна, суннитского президента, опасавшегося, что иранская революция может перекинуться на его страну, в которой большинство населения составляли шииты. Вопреки всем ожиданиям, иранцы устояли, и война установила новые отношения между политической сферой, вооруженными силами и населением. Свержение шаха в 1979 году показало, что иранская армия, одна из сильнейших в мире, тем не менее оказалась неспособной спасти монархию. Отсюда и возникновение весной 1979 года Революционной гвардии, за которой осенью того же года последовал добровольческий корпус «Басидж», которому новая Исламская Республика возложила священный долг защиты Исламской Республики от любой

попытки роялистского переворота и от любого врага, внутреннего или внешнего, который мог бы ей угрожать. Война с Ираком способствовала подъему Революционной гвардии — сухопутных сил, которые также превратились в военно-морские и военно-воздушные силы, а после войны — в военно-промышленный комплекс. Таким образом, целое поколение иранских военнослужащих, чиновников и политиков «родилось» из ирано-иракской войны, научившись управлять страной в условиях крайнего кризиса и впоследствии заняв ответственные посты во всех сферах — военной, политической, административной, академической и других. Можно предположить, что израильско-американско-иранские войны приведут, по крайней мере частично, к аналогичному эффекту: старая гвардия обретет новый престиж, в то время как новые поколения закалятся в огне и приобретут благодаря интенсивному опыту уникальные военные, управленческие, дипломатические и политические навыки. Все это может придать новый импульс Исламской Республике, которая изначально была основана на восстановлении новой идентичности в противовес западному (особенно американскому) вмешательству и во имя возвращения к вековым религиозным ценностям.

Конечно, 1979 год — это не 2026 год: речь не может идти о простом революционном «сбросе». Мы не можем стереть из памяти социально-политические изменения последних двух десятилетий: расцвет национализма, различные процессы секуляризации, последствия движения «Женщина, жизнь, свобода», экономические вызовы и культурное разнообразие иранского общества, которое сегодня более вестернизировано и политически зрелее, чем сорок лет назад. Но можно предположить, что официальный дискурс государства будет использовать сопротивление американо-израильской агрессии, а националистическая гордость и религиозные настроения будут усиливаться, что приведет к возрождению политики идентичности, определенной милитаризации государственного аппарата и появлению новых культурных императивов. Есть основания опасаться, что, по крайней мере на время, послевоенный контекст безопасности ограничит проявления гражданского общества, создав новые формы социального контроля и новый режим слежки и цензуры. Этот контекст, вероятно, также не будет способствовать реализации иранской «мягкой силы», которая — от туризма до различных международных инициатив — могла бы, по крайней мере частично, способствовать формированию альтернативной точки зрения на страну. В любом случае, это системная слабость иранской политики. Несмотря на все свои культурные активы и несмотря на многообещающие проекты, реализованные в ходе первого срока Мохаммада Хатами (1997–2001 гг.), Иран не смог, не захотел или не сумел разработать амбициозную, последовательную и эффективную культурную или туристическую политику, ориентированную, в частности, на западные страны.

Будущее направление общенационального дискурса будет в значительной степени зависеть от нового Верховного лидера Моджтабы Хаменеи (род. в 1969 г.), сына Али Хаменеи, который был убит в первый день войны. О внутренних механизмах этих выборов известно мало, но, несомненно, они были в значительной степени продиктованы обстоятельствами. Выбор сына Али Хаменеи — верховного лидера с 1989 по 2026 год — на фоне войны и кризиса обеспечивает преемственность в доктринах, лояльности и сетях, несмотря на вопросы, возникающие в связи с выбором, напоминающим династическую преемственность. В более мирных условиях процесс назначения, несомненно, был бы более открытым. Воспитанный отцом, Моджтаба Хаменеи, тем не менее, принадлежит к другому поколению, и направление, которое он задаст стране, будет зависеть от сложного комплекса факторов, начиная от состояния (психологического, экономического, культурного) сложной нации и заканчивая новым послевоенным балансом сил и дипломатическими отношениями. Поскольку выбор Мохтабы Хаменеи, по-видимому, продиктован скорее чувством национальной необходимости, чем религиозными приоритетами, ситуация в некоторых отношениях напоминает избрание его отца. В 1989 году Али Хаменеи был избран скорее по политическим, чем по религиозным причинам: тогда он не обладал званием аятоллы, необходимым для этой должности, и в Конституцию 1979 года были внесены поправки, чтобы сделать возможным избрание, которое ознаменовало начало нового — постреволюционного — цикла для страны. Опираясь на Корпус стражей Исламской революции и содействуя интеграции духовенства в государственные органы, Али Хаменеи запустил взаимодополняющие процессы милитаризации общества и государственной интеграции духовенства, что укрепило внутреннюю структуру страны, профессионализовало политических игроков и институционализовало военно-религиозный баланс сил.

Даже если война сплотит иранцев, послевоенный Иран столкнется с уже существующими проблемами: значительными экономическими трудностями, вызванными как эмбарго, так и дисфункцией государства и общества, усугубленными последствиями войны; многоуровневым гражданским обществом с разнородными или противоречивыми интересами и культурами; противоречиями между вестернизацией и традиционализмом, санкционированной государством религией и светским национализмом, а также ценностями, ориентированными на семью, и индивидуализмом. Война почти наверняка приведет в некоторых слоях элиты к радикализации антизападной и антиимпериалистической риторики, что окажет серьезное давление как на внутривнутриполитическую обстановку в Иране, так и на его дипломатические усилия. Еще один комплекс вопросов возникает в отношении иранской диаспоры, проживающей главным образом в Европе, США и Канаде, которая формировалась волнами на протяжении десятилетий и

поддерживает разнообразные отношения с Ираном: от противников, которые приветствовали бомбардировки своих сограждан, размахивая портретами Резы Пахлави и надеясь на «падение режима», до экономических мигрантов и патриотов, которые более или менее критично относятся к Исламской Республике, но тем не менее поддерживают иранское сопротивление. Эта война и ее последствия, несомненно, создадут новую динамику — сначала среди иранцев в Иране и иранцев за рубежом, а затем в отношениях между сообществами внутри Ирана и за его пределами.

Что война с Ираном говорит о международном порядке?

Персия и западные империи

На момент написания этой статьи Иран отказывается от переговоров и намеревается продолжать свои действия до тех пор, пока не достигнет своих целей. Каковы же эти цели? Можно предположить, что цель состоит в обеспечении нового баланса сил, достаточно значительного, чтобы заставить США и Израиль принять не только перемирие, но и подлинное, долгосрочное и гарантированное дипломатическое решение конфликта. Анализ Ирана — подвергшегося двум нападениям в разгар переговоров — прост: только сила может победить силу; только насильственный ответ сможет подавить любое дальнейшее искушение напасть. Не спекулируя на возможных исходах конфликта — многостороннее соглашение, вывод войск США, ядерная эскалация и т. д. — уже можно обсудить значение этой войны в контексте исторического момента, который мы переживаем: момента геополитической трансформации, в ходе которой порядок, зародившийся после Второй мировой войны, а в более отдаленном прошлом — в эпоху Ренессанса, постепенно меняется с появлением других международных игроков (Китай, Россия, Индия, Юго-Восточная Азия, Бразилия), новых конфигураций «неприсоединившихся» стран (БРИКС+) и глобальных вызовов (экономических, технологических, экологических, миграционных и т. д.), которые затрагивают всю планету и страны, которые сегодня взаимосвязаны как никогда ранее.

С конца Средневековья в Европе начали происходить глубокие перемены, полные последствия которых проявились лишь спустя столетия: новые отношения с религией, сложившиеся после подъема протестантизма и «религиозных» войн, привели к появлению современных форм секуляризма и универсализма; развитие современного государства и национализма, кульминацией которого стал международный порядок национальных государств, соперничающих в своих интересах и связанных дипломатическими отношениями; философский рационализм, который от Канта до аналитической философии постепенно пришел к представлению о вселенной, лишенной метафизики; научно-техническое развитие,

породившее промышленную революцию XIX века и современную информационно-технологическую революцию и утвердившее по сути материалистическое и агностическое мировоззрение.

Эта европейская модель развития (вестфальский геополитический порядок, индустриальный капитализм, философский рационализм, научная нормативность) постепенно приобрела глобальный характер благодаря колониальным империям, простиравшимся от Америки до Индонезийского архипелага: сначала испанцам и португальцам в XVI веке, а затем англичанам, французам и голландцам в период с XVII по начало XX века. Первый этап западного империализма, уничтоживший цивилизации ацтеков и инков, представлял собой союз военных, миссионеров и купцов. Затем колониализм стал отвечать в первую очередь экономическим императивам (Ост-Индская компания, Британская империя), распространяя конкуренцию между европейскими нациями по всему миру. Повсюду глобализация привела к вестернизации в той или иной степени: она обращала народы в христианство (Америка), уничтожала древние культуры и повсюду приносила то, что мы называем современностью — технологии и промышленность, административные организации, экономические системы, политические концепции и формы искусства. Повсюду эта вестернизация породила напряженность и соперничество, синтезы и расколы: конфликты и компромиссы между традицией и современностью, религией и секуляризацией, местной идентичностью и иностранными влияниями, национальным и международным. Сегодня эти проблемы остаются актуальными, несмотря на (а иногда и благодаря) конец колониальных империй и наступление многополярного мира.

Именно в свете этой долгой истории можно понять позицию Ирана и многогранные вызовы, с которыми он сталкивается. Персия оказалась втянутой в историю европейских колониальных империй еще в XVI веке. Западная эксплуатация началась, в некотором роде, с капитуляций Сефевидов (торговые привилегии, порой чрезмерные, предоставленные европейским купцам); она продолжилась с британским господством в XIX веке — соперником России в Иране и Центральной Азии — а затем через доминирующее влияние Америки после Второй мировой войны. Европейское влияние, которое в эпоху Сефевидов было sporadическим и незначительным, на протяжении XIX века при Каджарах становилось все сильнее. Политика Пахлави, направленная на принудительную вестернизацию и секуляризацию, привела к целой серии социальных, культурных и экономических разломов, так что Исламская революция стала своего рода ответной реакцией и отчасти неизбежным восстановлением баланса. В отличие от агностической, индивидуалистической и потребительской вестернизации, революция стремилась установить иной общественный договор, основанный на религиозных ценностях, исламизировать как общество, так и науку и культуру, а также сделать страну

имперским центром панисламизма и защитником угнетенных. Часто эти идеалы быстро теряли свою привлекательность или искажались, а революционные эксцессы вызывали разнообразные процессы в обществе, движимом триполярной идентичностью (иранской, шиитско-исламской, вестернизированной) и которое, благодаря своему многообразию, никогда не позволяет себя ограничить одной и исключительной политикой. Как бы то ни было, Исламская революция стремилась переориентировать страну на суверенистскую, незападную и исламскую ось, хотя вестернизация общества никогда не прекращалась, и хотя преобладание националистического дискурса в последние двадцать лет придало Ирану характер скорее иранской, чем исламской республики.

Иран и западный неоимпериализм

Нынешняя война ярко демонстрирует один из основополагающих принципов Исламской революции: антиимпериализм, а именно осуждение глобальной системы, которая, казалось бы, основана на правилах, но на самом деле в значительной мере подчиняется западнцентричной повестке дня и дискурсу. Хотя международный порядок всегда колебался между попытками регулирования, законом джунглей и глобальным «торговым центром», нынешняя война лишь усиливает, с иранской точки зрения, восприятие порядка, который якобы является многосторонним, но на самом деле фундаментально несбалансирован и односторонне доминируется Соединенными Штатами. Созданные западными странами, которые черпали вдохновение в европейских концепциях национального государства и типе межгосударственных отношений, установленных Вестфальским договором (1648 г.), международные институты, законы и арбитраж носят изменчивый характер. Теоретически основанные на правовой справедливости, на практике они зависят от динамики власти, геополитических конфигураций и экспансионистских или гегемонистских амбиций определенных держав.

Для Ирана ядерный вопрос наглядно демонстрирует эту предвзятость в международном праве, которой пользуются наиболее могущественные страны для достижения своих геостратегических интересов. Существует как минимум три разных стандарта: Северная Корея (гордящаяся тем, что обладает бомбой, и способная благодаря этому вести переговоры с позиции силы), Израиль (который обладает ядерным оружием, но не признает этого, не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия и не подвергается критике со стороны кого-либо за то, что инициировал ядерную гонку на Ближнем Востоке), и Иран, который не обладает бомбой, подписал Договор о нераспространении ядерного оружия и подчиняется инспекциям МАГАТЭ, но который получил мало взамен и рассматривается как государство-изгой. Действительно, если смотреть на иранскую ядерную проблему через призму истории, ее можно интерпретировать как предлог

для неоимпериалистической политики — преемницы западного империализма на Ближнем Востоке, уходящей корнями по крайней мере в XIX век и стремящейся под любым предлогом контролировать такой энергетический, торговый и стратегический перекресток, каким является Иран.

Риторика «демократизации» Ирана подчиняется той же скрытой логике. Существует намерение принести демократию в Исламскую Республику путем бомбардировок как гражданских, так и военных объектов, однако никаких военных действий по «демократизации» саудовской монархии не планируется. Призыв к созданию более «дружественного» иранского режима (по отношению к США) означает не что иное, как возвращение Ирана в сферу влияния США в геостратегических и экономических целях: для противодействия российскому влиянию и китайским проектам на Ближнем Востоке; для удовлетворения Саудовской Аравии и нефтяных монархий Персидского залива, которые неизбежно были бы ослаблены и оттеснены на обочину, если бы Иран, историческая региональная держава, раскрыл весь свой потенциал. Нынешняя война в этом отношении является неоимпериалистической войной, которая подтверждает иранский анализ международного порядка: имеет значение только баланс сил; требуется добровольное или пассивное подчинение Соединенным Штатам и их союзникам под угрозой санкций и остракизма; западноцентричность системы подпитывает лицемерие ее риторики, лейтмотивы которой (права человека, демократия и т. д.) на самом деле легитимируют хищнические амбиции. Возможно, не случайно, что из всех европейских стран только Испания энергично и вопреки общему течению осудила американо-израильскую агрессию. Основав в XVI веке вместе с Португалией первые колониальные империи, Испания сегодня имеет политические движения, чувствительные к проблеме империализма и для которых отношение Запада к Ирану действительно является частью неоимпериалистической повестки дня.

Кроме того, Иран также сталкивается с расколом внутри мусульманского мира. 16 марта 2026 года, за день до своей гибели в результате израильского удара, Али Лариджани обратился с призывом к умме, мусульманскому сообществу, призвав его противостоять Израилю и Соединенным Штатам. Стратегия Ирана в условиях американо-израильского нападения, несомненно, принесет ему популярность среди многих мусульманских народов. Координация действий между Ираном, «Хезболлой», проиранскими ополченцами в Ираке и хуситами в Йемене также вдохнула новую жизнь в «ось сопротивления», которую многие считали ослабленной и находящейся под контролем. Помимо регионального возрождения альянсов, энтузиазма и идеалов борьбы, можно, тем не менее, усомниться в том, что призыв к умме окажет значительное влияние в конstellации исламских стран с разнообразной историей, противоречивыми интересами и культурно и исторически

отличными формами ислама. С момента смерти пророка Мухаммеда мусульманская община была разделена по религиозному признаку (раскол между суннитами, шиитами, хариджитами и т. д.), по политическому признаку (династическая фрагментация мусульманского мира, за которой последовало разделение на национальные государства), по этническому признаку (мусульманский мир представляет собой мозаику народов) и по культурному признаку (религия всегда встроена в культуру, которая формирует ее жизненный опыт).

Во время Исламской революции Иран, движимый стремлением к расширению имперского влияния, стремился стать передовым отрядом ислама в мире. Однако он столкнулся с реалиями реальной политики и расколом внутри мусульманского мира. Иран — шиитская мусульманская страна, тогда как большинство мусульманского мира составляют сунниты. Религиозное сближение возможно в определенной степени и при определенных обстоятельствах, но оно не может затмить или преуменьшить неприятие суннитами шиитского ислама или обвинения шиитов в том, что суннитский ислам отклонился от первоначальной формы ислама. Ирано-иракская война стала ярким примером этих противоречий и фактически способствовала возрождению иранского национализма, который аятолла Хомейни намеревался отбросить во имя большего единства уммы. В то время как Иран взял на себя защиту палестинцев, Организация освобождения Палестины встала на сторону Ирака против Ирана; и в то время как революционеры осуждали Израиль как «сионистское государство», ближневосточный аванпост западного империализма, Израиль оказывал финансовую и материально-техническую помощь Ирану в его войне с Ираком.

Поэтому невозможно понять решительную суверенитетную позицию и культурный протекционизм современного Ирана, не выйдя за рамки западнцентристского дискурса, претендующего на роль арбитра цивилизаций, права и ценностей. Культурное разнообразие мира — это повседневная реальность, однако существует культурный эгоцентризм, стремящийся рассматривать страну западного типа как идеальный образец государства, мерило цивилизации и ориентир для развития социальной идентичности. Слушая или читая бесчисленные анализы этого конфликта, нельзя не заметить, насколько подавляющее большинство из них подчиняется доминирующим парадигмам, а именно западнцентрическому мировоззрению и американской геостратегической парадигме. В результате существует квазиинституциональное невежество или почти систематическая предвзятость в отношении незападных стран и культур, подкрепленная в худших случаях исламофобией, культурной ксенофобией или империалистическим, даже колониалистским, презрением.

В свете нынешнего конфликта и его освещения в СМИ, конечно же, прослеживается влияние американских и израильских лобби, которые на протяжении десятилетий финансировали в аналитических центрах, университетах и СМИ односторонние анализы мировой ситуации, изобилующие «слепыми пятнами» и пробелами, и которые сегодня служат в качестве военной машины, сопровождающей бомбардировки или затуманивающей любое нюансированное и плюралистическое восприятие событий. Но в более широком смысле существует навязанный образ Ирана, колеблющийся между демонизацией и ориенталистскими клише, который стал хабитусом, который большинство журналистов и телевизионных экспертов принимают без размышлений и вопросов. Этот хабитус вписывается в более широкие рамки: западноцентрическую парадигму, укорененную в процессе вестернизации, проводимой европейскими колониальными империями начиная с XVI века, и которая, несмотря на глобализацию, туризм и постколониальные исследования, по-прежнему в значительной степени влияет на политические круги и СМИ даже в некоторых незападных странах. Находясь на перекрестке фундаментальных проблем, палестинский вопрос также обретает полный смысл лишь при рассмотрении через призму долгой и многогранной истории.

Многогранность палестинского вопроса

Геополитический, религиозный и исторический перекресток

7 октября 2023 года движение «Хамас» совершило террористическую атаку на Израиль. Масштаб и изощренность этой атаки стали неожиданностью, однако подобные действия не стали сюрпризом для тех, кто не забыл о существовании палестинской проблемы, возникшей в 1948 году. Затягивание Ословского процесса после убийства премьер-министра Ицхака Рабина (1995 г.), постепенная нормализация отношений между некоторыми арабо-мусульманскими государствами и Израилем, продолжение израильской поселенческой деятельности на Западном берегу в нарушение всех соглашений, демографическое давление в Газе и полное безразличие западных дипломатов к решению палестинского вопроса не могли не спровоцировать взрыв насилия среди тех — палестинцев, — кто чувствовал, что о них постепенно забывают все. Благодаря тройному эффекту преувеличения, амнезии и чрезмерного упрощения западные СМИ стремились свести израильско-палестинский конфликт к нападению 7 октября, стерев 75 лет истории и всю антропологическую сложность. Если израильско-палестинский кризис настолько значим, в то время как существует так много других конфликтов,

не имеющих ни такого же воздействия, ни такого же значения, то это потому, что он находится на пересечении нескольких исторических, религиозных и цивилизационных разломов:

- **Противостояние колониализма и деколонизации.** Израиль — это подлинная демократия, но в то же время и подлинно колониальное государство со всеми вытекающими отсюда последствиями в плане насилия (военного, административного, судебного и даже культурного) и радикальной асимметрии между колонизаторами и колонизированными. Многогранное сопротивление палестинцев является также новейшим проявлением борьбы за деколонизацию, которая была характерна для 1940–1970-х годов. На пресс-конференции 27 ноября 1967 года, после Шестидневной войны, Шарль де Голль заявил, что Израиль «организует на захваченных им территориях оккупацию, которая не может осуществляться без угнетения, репрессий и изгнаний, и там возникает сопротивление, которое он, в свою очередь, называет терроризмом». Все было сказано, и ничего не изменилось. Сводить Хамас или Хезболлу таким образом к террористическим группам — значит игнорировать историческую причину их создания, корни и контекст насилия, а также принимать одномерную точку зрения, которая эссенциализирует Другого, закрывая глаза на самого себя. Как известно, точного определения терроризма не существует, поскольку реальность конфликта всегда многомерна, и в условиях, насыщенных насилием и поляризацией, человек легко становится террористом в глазах другого. Хотя конкретное действие может быть классифицировано как террористическое в свете определенных этических или правовых принципов, важно также пролить свет на его причины, намерения и идеологический контекст: не для того, чтобы оправдать, освободить от ответственности или релятивизировать его, а потому, что только беспристрастный анализ в конечном итоге позволит нам найти актуальные и устойчивые решения, будь то дипломатические или военные.

- **Разрыв между христианским и исламским мирами.** С момента появления ислама в VII веке мусульмане воспринимаются как военные противники, вечно ведущие войну за расширение «дома ислама», а также как завоеватели-прозелиты, угрожающие христианской идентичности и самобытной культуре Европы и Запада. Цель здесь не в том, чтобы обсуждать то, что сводится к фантазиям (западные мусульмане как «пятая колонна» «Великого замещения» христианства исламом) или политическим нападкам (обвинения в «исламо-левизне»), а скорее в том, чтобы отметить, что во многих отношениях израильско-палестинский конфликт является частью давнего недоверия Запада к исламу. В отличие от ислама, иудаизм не является универсальной религией спасения: мусульманином можно легко стать, но евреем рождаются, а обращение в иудаизм — это процесс столь же длительный, сколь и исключительный. Кроме того, Израиль — это в высшей степени

вестернизированная страна, исторические корни которой в XIX веке уходят в иммиграцию евреев из Восточной Европы, которые, следовательно, были культурно европеизированы. Поэтому, по сравнению с исламом, западные люди не чувствуют угрозы со стороны еврейского прозелитизма — которого, по сути, не существует — и могут принять сионистскую идею — даже в ее религиозной форме — не отказываясь от своего христианства. Кроме того, культурное значение евреев в европейской истории, а также западный характер Израиля — несмотря на влияние ультраортодоксальных евреев — означают, что западные люди, по-видимому, считают себя ближе к Израилю, чем к любой мусульманской стране; или, во всяком случае, они охотно объединяют усилия с Израилем, отбросив подавленный антисемитизм и несмотря на колониальное насилие со стороны Израиля, против ислама, воспринимаемого как коварная и непреодолимая угроза.

• **Запад против «Глобального Юга», неприсоединившихся стран и «Востока».**

Для жителей Запада, убежденных в превосходстве своей модели политической организации и общественной жизни, зачастую трудно представить, что другие могут мыслить иначе, что у незападных стран может быть иная история, и что ценности, борьба или приоритеты одних не являются (обязательно) ценностями, борьбой или приоритетами других. Западные люди рассматривают создание Израиля как провиденциальную компенсацию за травму Холокоста, тогда как с «незападной» точки зрения это создание воспринимается как колониальная несправедливость, совершенная западным империализмом, создающая дальнейшие травмы (Накба) и символизирующая рефлексивное презрение к восточным и мусульманским народам. Столкновение точек зрения по израильско-палестинскому вопросу — между чрезмерно представленной и широко освещаемой западной интерпретацией и альтернативными, менее распространенными и маргинализированными точками зрения — вновь свидетельствует о разрыве между геополитическим доминированием западных стран и «периферизацией» неприсоединившихся стран, независимо от того, были ли они жертвами западного колониализма и империализма.

• **Разрыв в памяти, информации и историографии.** Когда мусульмане повторяют, что Холокост — это европейская история и что ни один концентрационный лагерь никогда не осквернял кровью землю Ближнего Востока, эти замечания — строго соответствующие фактам — выявляют фундаментальный разрыв между историческими нарративами и различия в историческом сознании. Отрицание Холокоста распространено в Иране, и президент Ахмадинежад выступил в качестве его представителя, назвав Холокост мифом. Не имея надлежащего понимания истории, этот отрицательский подход в основном направлен на то, чтобы бросить вызов западной эксклюзивности истории и ее интерпретации. Для иранцев, не все из которых являются отрицателями, Холокост в

любом случае является еврейской и европейской историей, а не иранской. Они рассматривают абсолютизацию еврейских страданий как историографическую монополию, которая приводит к затмению страданий всех остальных — от самих иранцев (ирано-иракская война или долго замалчиваемые страдания двух мировых войн) до геттоизированной боли палестинцев. Повсеместное присутствие израильской точки зрения в западных СМИ, политике, дипломатии и академических кругах таким образом воспринимается как западная апроприация истории со всеми вытекающими из этого культурными, стратегическими и (гео)политическими корнями и последствиями. Вестернизация, по сути, заключается не только в распространении по всему миру политических идей (либеральные демократии), технологий (Интернет), экономических моделей (капиталистических) или моделей потребления (Coca-Cola & Co.): она также включает в себя, порой незаметно, навязывание западноцентричного понимания истории, которое делает западную историю, ее написание и интерпретации стандартом знания, мерилom исторического сознания и герменевтическим ориентиром для событий. На протяжении десятилетий университеты предлагают не-западноцентричные и постколониальные интерпретации истории, но эти работы, судя по западным политическим решениям и дипломатическим позициям, в конечном итоге оказывают весьма незначительное влияние. Более того, нет смысла просто читать книги: их также необходимо усваивать, чтобы знание о других культурах было не просто каталогом дат и фактов, а способностью понимать другую культуру изнутри и в контексте ее собственной истории.

Пропалестинский и антиимпериалистический Иран

С 1979 года Иран перевернул дипломатическую парадигму, установленную королём Мохаммедом Резой Пахлави. Во имя панисламской политики и антиимпериалистической позиции Иран выступил в защиту палестинцев против израильской колонизации. В результате он лишил легитимности Государство Израиль, которое теперь называют «сионистским государством» и которое он рассматривает как страну, неправомерно созданную западными империалистами, самоузаконившуюся посредством модернистской инструментализации иудаизма и анахроничной интерпретации Ветхого Завета, а также подпитываемую незаконным и безграничным экспансионистским насилием.

Начиная с 2000-х годов люди любили представлять себе, что Иран стремится заполучить ядерную бомбу, чтобы стереть Израиль с лица земли, что не имело смысла ни с военной, ни с политической точки зрения и, более того, противоречило религиозным, кораническим и теологическим предписаниям. Иран стремится к ликвидации колониального государства Израиль, а не к уничтожению еврейского народа. Иранцы, как мусульмане, к тому же обязаны уважать евреев, поскольку

Коран требует уважения к иудаизму. Наконец, в шиитской теологии предписывается ведение оборонительной войны, в то время как наступательная война запрещена, поскольку только имам, наследник пророка Мухаммеда, может объявить ее. Однако двенадцатый имам, имам Махди, исчез в 941 году и вернется только в конце времен: в его отсутствие религиозные лидеры не могут взять на себя инициативу по ведению войны, поскольку они не обладают ни авторитетом, ни знанием одного из двенадцати исторических имамов. Поэтому антисионизм широко распространен в Иране, и хотя он может скрывать некую форму антисемитизма, общепринятый дискурс осуждает израильский колониализм, не стремясь причинить вред евреям или отвергнуть иудаизм.

В Иране до сих пор существует еврейская община, проживающая в основном в Тегеране; сегодня она насчитывает всего несколько тысяч человек, но является наследницей тысячелетней истории на Ближнем Востоке. Элементы древней истории Ирана упоминаются в Ветхом Завете (Книга Есфирь), а в эпоху ислама процветала замечательная иудео-персидская культура. В эпоху Пахлави между Израилем и Ираном существовали очень хорошие (хотя и неофициальные) отношения. В 1950-х годах даже было налажено сотрудничество в сфере безопасности между Израилем, Ираном и Турцией (организация «Триден»), направленное на противодействие влиянию панарабизма. Иранцы и израильтяне имеют несколько общих культурных черт: не будучи ни арабами, ни турками, они представляют собой своего рода культурный исключительный случай на Ближнем Востоке, разделяя древнюю историю (в значительной степени связанную с диаспорой для евреев) и схожую философскую и культурную сложность (еврейская мысль и персидская философия). Даже с религиозной точки зрения существует определенная близость между евреями — избранным народом, преследуемым на протяжении всей истории, — и шиитами, которые утверждают, что исповедуют истинный, первоначальный ислам, и именно по этой причине подвергаются преследованиям со стороны суннитского большинства.

Геополитический сдвиг в отношении Израиля, начавшийся с Революции, носит религиозный характер (защита мусульманских палестинцев от сионистского колониализма), хотя религиозные, этнические и культурные различия разделяют иранских шиитов, имеющих индоевропейское происхождение, и палестинцев, которые являются арабами и суннитами. Защита палестинцев также является частью борьбы против хищнической вестернизации, которая опирается на исторический опыт иранцев с начала XIX века — от англо-русского империализма в Персии до свержения премьер-министра Моссадега под руководством ЦРУ (1953 г.). Не все иранцы разделяют эту борьбу, хотя все они

заявляют о некой форме национального и культурного суверенитета. «Ни Палестина, ни Ливан» — это лозунг, который с 2000-х годов часто используют те, кто хочет поставить Иран на первое место в списке своих приоритетов.

Однако следует с осторожностью относиться как к предвзятым мнениям, так и к чрезмерно наивной интерпретации. Тот факт, что иранское правительство, возможно, использовало израильско-палестинский конфликт в своих внутривнутриполитических или международных дипломатических целях, не должен затмевать искреннюю солидарность с палестинским делом и убеждения его сторонников, которые слишком легко списывают на счет простой идеологии или политических маневров. Будучи меньшинством, часто подвергающимся угрозам в рамках ислама, шииты испытывают искреннее сострадание к народам, угнетаемым более сильной державой. С другой стороны, хотя многие иранцы объясняют напряженность в отношениях с Израилем выбором воинственной защиты палестинцев в ущерб дипломатическому реализму, вполне понятно, что демонизация антиимпериалистического Ирана является частью медийной войны и пропагандистского оппортунизма. Иран — не первая страна, выступившая против колониализма, но иранская поддержка «Хезболлы», основанной в 1982 году после израильского вторжения в Южный Ливан, — находка для тех, кто стремится с помощью яркого, но нечестного упрощения представить Иран спонсором международного терроризма. Однако, повторим, за клеветническим, экономическим или военным давлением на Иран стоит фундаментальный вопрос контроля над Ближним Востоком, который США частично утратили после Исламской революции 1979 года и который они, несомненно, утратят еще больше в результате нынешней войны.

Иран и Израиль долгое время считались двумя «разумными противниками» — то есть двумя странами, политическое и военное руководство которых знает друг друга достаточно хорошо, чтобы не переступать «красные линии» и не ввязываться в необратимые военные авантюры. Израильско-иранские войны продемонстрировали не то, что это утверждение было ложным, а то, что Биньямин Нетаньяху, обладающий политическим влиянием с 1996 года, существенно изменил политику Израиля. Само израильское общество изменилось, в частности, из-за политических сдвигов, эмиграции израильтян, которые больше не могли жить в Израиле, и иммиграции в Израиль евреев с более радикальными сионистскими взглядами. Войны 2025 и 2026 годов также в определенной степени развенчали Моссад, одновременно раскрыв иранский потенциал, который из-за предвзятости недооценивался или преуменьшался. Несмотря на опыт проведения сложных технических операций, Моссад, тем не менее, оказался неспособен понять иранское общество и природу государственного управления в Иране: это незнание или слепота являются основной причиной его провалов, начиная от попыток поднять

иранское население на восстание против своего правительства и заканчивая войнами, направленными на свержение «иранского режима» и балканизацию страны.

После 47 лет напряжённости и двух войн, когда Газа лежит в руинах, а Западный берег охвачен жестокой и несправедливой экспансией поселений, на что мы можем надеяться от дипломатического решения? Рискую показаться наивным среди стольких голосов, проповедующих эсхатологию, основанную на силе, единственное долгосрочное решение — это политическое решение, даже если оно встроено в новую «холодную войну» и баланс экономических и военных напряжений. В идеале это потребовало бы возвращения к международному праву и правовому равенству государств. С одной стороны, это означало бы уменьшение исключительности Израиля — на перекрестке ужасной трагедии (Холокоста), непоколебимой воли к выживанию, религиозной идентичности («избранный народ») и выбора геостратегического альянса (Израиль — единственное западное государство на Ближнем Востоке), — и которая позволяет ему нарушать, при молчании или даже благословении своих союзников, все права — будь то права военного или гуманитарного права, или резолюции ООН. С другой стороны, признать Иран — страну, находящуюся под санкциями на протяжении десятилетий, — в качестве полностью суверенного государства, ни изгоя, ни «государства-изгоя», и вновь включить его в равноправный и имеющий правовую основу дипломатический диалог.

Создание палестинского государства, хотя и выглядит более неопределённым, чем когда-либо, представляется одним из немногих путей развязывания гордиева узла, в котором переплетены многочисленные проблемы и зачастую несовместимые факторы. Инициативы Дональда Трампа в отношении Газы, навязывающие неокOLONиальное решение колониальной проблемы, не имеют абсолютно никакого значения — ни исторического, ни юридического, ни политического. Хотя Израиль не исчезнет, как того желают некоторые иранские лидеры, Иран не будет превращен в пепел и даже значительно ослаблен, как на это надеются израильские лидеры. В некотором смысле будущее Израиля, обреченного некоторыми из его лидеров на вечную войну, вызывает большее беспокойство, чем будущее Ирана — тысячелетней страны, которая восстанавливалась после каждого вторжения. Еще более тревожным является рост антисемитизма, подпитываемый геноцидными преступлениями, совершенными в Газе, разоблачениями по делу Эпштейна, влиянием Израиля на президента Трампа (через его зятя и дочь) или вопиющей произраильской предвзятостью СМИ, против которой цензура или судебные приговоры будут гораздо менее эффективны, чем международное правосудие и дипломатическая справедливость. Будущее непредсказуемо, но можно по крайней мере предположить, что все сценарии, рассматриваемые в настоящее время в

отношении Газы — израильская оккупация, международная опека, поэтапный мирный план и т. д. — будут поставлены под сомнение, если не приведены в полный беспорядок, в результате уравнивания, поставленного окончанием войны.

Выводы — Что ещё скажут СМИ об Иране?

После вторжения США в Ирак в 2003 году СМИ столкнулись с серьезным кризисом доверия, особенно в самих Соединенных Штатах, из-за своего в основном провоенного освещения событий, которое скорее граничило с пропагандой, чем с журналистикой. Будет ли то же самое и после этой войны, учитывая, что большинство СМИ — по-разному — поддержали израильско-американскую воинственную риторику, не проявили элементарного критического мышления и укоренили предвзятое и вводящее в заблуждение представление о ситуации? Мы можем надеяться на некоторую степень саморефлексии, не питая никаких иллюзий относительно медийной системы и ее участников. Тем не менее, для медиаисследований Иран остается самым примечательным «кейс-стади», который только можно представить. В современной истории нет других примеров страны, которая была бы объектом медийных кампаний дезинформации и манипуляции, столь длительных и постоянных, столь влиятельных на коллективное воображение и столь жестоких в своих последствиях.

С момента Исламской революции Иран подвергается преимущественно негативному освещению в СМИ, при этом ярких моментов было немного: к ним относятся первый срок пребывания у власти реформистского президента Хатами с 1997 по 2001 год, до того как президент Джордж Буш-младший назвал Иран частью «оси зла» (2002 год), а также два года, последовавшие за заключением иранской ядерной сделки 2015 года (СВПД). Эти тактики заставили Иран вписаться в упрощенную нарративную схему; можно проследить вариации и повторяющиеся темы на протяжении десятилетий:

- Заявлять, что Иран — это сложная страна, и при этом сводить его к самым ограниченным анализам, самым упрощенным схемам и самой устаревшей информации.
- Ограничивать Иран определенными терминами — «режим», «теократия», «исламизм» или «диктатура» — с целью пресечь любую попытку дать подробное объяснение, придать дискуссии сентиментальный характер, свести на нет любые нюансы и закрепить путаницу между террористическим исламизмом «Исламского государства» (ДАИШ) или «Аль-Каиды» и Исламской Республикой.

- Видеть «мулл» повсюду, даже там, где их нет, и даже когда проводимая политика или рассматриваемые реалии не имеют никакого отношения к религии.
- Никогда не рассматривать иранское государство как нормальное государство, а всегда идеологизировать его действия: видеть в строительстве дорог проявление популизма или навешивать ярлык «исламистский» даже на самые светские дипломатические инициативы.
- Путать Иран с Ираком или Афганистаном, следуя устоявшемуся принципу ориенталистов: на Востоке всё одинаково.
- Осуждая «мафию» и «чёрные рынки» Корпуса стражей Исламской революции, при этом забывая, что эмбарго незаконно лишает Иран возможности легально приобретать товары и услуги.
- Опрашивать только женщин, желающих снять хиджаб, игнорируя большинство иранских женщин, которые по разным причинам (религиозным, культурным, традиционным, националистическим и т. д.) любят и хотят носить хиджаб — традиционный наряд, история которого на Востоке насчитывает тысячу лет.
- Осуждать двуличность иранских переговорщиков, не желая при этом понимать, что сам контекст и правила переговоров — будь то по ядерным вопросам или по вопросам мира — являются предвзятыми.
- Проводить опрос иранской диаспоры об Иране, не спрашивая при этом, что думают иранцы, проживающие в Иране, как о своей стране, так и об этой диаспоре.
- Представлять Иран как государство, по своей сути агрессивное, хотя на самом деле с момента разграбления Дели Надер-шахом в 1739 году Иран (Персия) не нападал ни на одного из своих соседей: российско-иранские войны (1804–1813 и 1826–1828) были вызваны экспансионистской политикой Царской империи, а в XX веке именно Саддам Хусейн (возможно, под влиянием США и других стран) напал на Иран осенью 1980 года.
- Выделять события периода с конца декабря 2025 года по начало января 2026 года, в ходе которых «иранское правительство открывает огонь по собственному народу», тщательно избегая при этом любого упоминания о восстании, спровоцированном Моссадом и ЦРУ.

В нынешнем освещении конфликта в СМИ эти стереотипы еще больше усугубляются фантастической интерпретацией реальности, подпитываемой американско-израильскими утопическими идеалами. То тут, то там встречаются старые предрассудки. Цель состоит в том, чтобы сообщить, что Соединенные

Штаты бомбили иранские объекты, но при этом подчеркнуть, что иранцы утверждают, будто бомбили израильские или американские объекты: заявления Запада принимаются за чистую монету, тогда как заявления иранцев всегда помещаются в кавычки, ведь, очевидно, западные люди не могут лгать, а восточные — неспособны говорить правду. Благодаря полному искажению событий Иран изображается как вечный агрессор, даже когда он подвергается нападению, даже когда он защищается. Что касается иранцев в диаспоре или беженцев в Турции, то следует сообщать только об их воинственных заявлениях — тех, кто утверждает, что война — «единственный способ сменить режим» и что ее нужно довести до конца, чтобы «завершить дело». При обсуждении американо-израильских бомбардировок акцент делается на технических, логистических или статистических аспектах, чтобы не упоминать тысячи объектов гражданской инфраструктуры, разрушенных в Иране, и обойти моральные последствия этих ударов — иными словами, военные преступления и преступления против человечности (такие как преднамеренная бомбардировка школы в Минабе).

Некоторые нарративы сводятся к классической военной цензуре: сообщения о разрушениях в Иране и, возможно, в странах Персидского залива, но почти никогда в Израиле, за исключением случаев, когда их значение преуменьшают или изображают инициатора конфликта (Израиль) в качестве жертвы; упоминание тысяч ударов по Ирану, при этом никогда не подвергая сомнению их эффективность или успех; акцентирование внимания на израильских жертвах при одновременном сокрытии имен погибших иранцев. В телепрограммах или газетах интервью дают только те «эксперты» или «специалисты», чьей парадигмой является «иранский режим», чьим нарративом является «смена режима» и чьей перспективой является «освобождение иранского народа». Будут приняты меры, чтобы более тонкий анализ со стороны автора оставался в меньшинстве, отвергался другими специалистами, сводился к простому «свидетельству» или незаметно отбрасывался из-за отсутствия сочувствия к опыту иранской женщины, осуждающей религиозное угнетение со стороны мулл. Когда дело доходит до обсуждения того, что считается Ираном, ничто не превосходит заявления — неизменные на протяжении десятилетий — оппозиционной диаспоры, которая, однако, является лишь одним голосом среди миллионов, добровольно оторванным от Ирана и иранцев в Иране и часто представляющим только саму себя.

Именно в альтернативных СМИ, таких как The Grayzone в США, или в подкастах, например Danny Haiphong, Deep Dive, Dialogue Works, Glenn Diesen, Judging Freedom или Neutrality Studies, можно найти актуальные критические анализы. Более того, именно в этих СМИ с прошлой осени мы слышали объявления и почти «предсказания» того, что разворачивается на наших глазах: развязывание тотальной войны, региональный пожар, стремительная эскалация, выходящая из-под

контроля, и отсутствие у администрации США стратегии выхода из конфликта — да и вообще какой-либо стратегии. Это демонстрирует, *a contrario*, что нарратив, продвигаемый основными СМИ, в значительной степени, а иногда и исключительно, является частью информационной войны, основанной на невежестве, шквале предрассудков и идеологическом конструировании врага (Ирана), которого необходимо победить. Для тех — ученых, мыслителей, свидетелей — кто привержен многостороннему пониманию событий, обстановка, безусловно, мрачна. Писать историю стало опасным занятием: попытка аналитической «нейтральности» подвергает вас враждебности со всех сторон, а стремление сбалансировать дискуссию ставит вас под прямой обстрел со стороны сторонников войны и «смены режима». Попробуйте пролить свет на российско-украинский конфликт в долгосрочной перспективе (от Киева, столицы Руси, до Минских соглашений 2014 года), и вас заклеймят как российского агента. Укажите, что израильско-палестинский конфликт уходит корнями в 1947–1948 годы (или даже гораздо раньше), и вас назовут антисемитом или обвинят в разжигании антисемитизма. Выступайте за многомерный взгляд на Иран, и вас обвинят в «защите иранского режима».

Нынешняя война проявила себя как тотальная во всех смыслах этого слова: это региональный конфликт с глобальными экономическими последствиями, а также конфликт за знания, мировоззрения и обмен информацией. Историк хочет рационализировать события и политические решения, но очевидно, что начало этой войны Дональдом Трампом было основано на сочетании лжи, манипуляций, импульсивности и глупости. Историк Кристофер Кларк говорил о «лунатизме», описывая сложную цепочку причин, приведших к началу Первой мировой войны. Мы могли бы позаимствовать это же выражение, добавив к нему почти галлюцинаторный разрыв между (медийным и политическим) дискурсом и реальностью, а также практику государственного лжи (в Соединенных Штатах) в беспрецедентных масштабах. В этом отношении эта война является знаковым событием в трансформации международного порядка и нашего понимания его.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Иран Израиль США Корпус стражей исламской революции (КСИР)